

жинский) (1852 г.) погребены в загородной церкви в Архиерейской роще.

Подводя итоги всему сказанному, хочется заметить, что и после биологической смерти в этом мире остаются дела, мысли и все, что успел совершить человек при жизни, что, собственно говоря, можно назвать одним словом — культура. Тобольск — город с древнейшей культурой и традициями. Кому-то это не нравится,

кто-то отрицает, называя трепетное отношение тоболяков к своим древностям «сентиментальным провинциализмом». Античные философы говорили: «Memento mori» — помни о смерти, а значит, и об умерших. Иначе чего мы все стоим? Кладбища, земля усопших, были и остаются национальными памятниками, которыми мы должны гордиться. Сегодня у большинства из нас такой гордости нет. Требуется ли разъяснять — почему?

С. М. Яблоков

ТЮМЕНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬ И МУЗЫКАНТ А. М. АФРОМЕЕВ

Одним из самых значительных явлений в культурной жизни дореволюционной Тюмени была деятельность Алексея Максимовича Афромеева (1868–1920). Работая в городской управе в качестве бухгалтера, он увлекся классической гитарой и самостоятельно освоил теорию музыки и приемы игры на инструменте. Деятельность издателя, получившую вскоре все-российскую известность, А. М. Афромеев начал с публикации в ноябрьском номере журнала «Родина» за 1890 г. марша композитора Дезорма «Возвращение с парада». С 1893 г. начались совместные занятия Афромеева и прибывшего в Тюмень Сергея Акимовича Сырцова (1855–1912) — известного в музыкальных кругах России того времени исполнителя, автора самоучителя игры на 7-струнной гитаре, аранжировщика и скрипача-дилетанта. С. А. Сырцов был участником русско-турецкой войны 1877–1878 гг., интересным публицистом (известны его печатные отзывы на музыкальные события г. Самары). За два года проживания в Тюмени он привил молодому тюменскому музыканту любовь к классической и народной музыке. По вечерам, после службы в конвойной команде, Сырцов, по свидетельству историка гитары В. А. Русанова (1866–1918), разыгрывал в дуэте с Афромеевым с листа различные классические произведения. Дружба двух музыкантов соединила в себе их лучшие

творческие наклонности. Впоследствии Афромеев опубликовал 250 аранжировок Сырцова для гитары¹.

Благодаря своей плодотворной издательской и педагогической деятельности Афромеев получил не только всероссийскую, но и мировую известность. Как о крупной личности в области классической гитары, о нем упоминают авторы фундаментальных справочных изданий. У аргентинца Доминго Прата информация об Афромееве дана в следующей оригинальной интерпретации: «Афромеев — гитарист и композитор, много выступавший у себя на родине, в России; до 1914 г. был знаменитым исполнителем, очень «правильным» композитором, очень подготовленным в области истории гитары. Его сочинения публиковались в некоторых русских журналах. В Тюмени, в Сибири, он основал журнал «Гитарист». Война в Европе разрушила планы этого выдающегося деятеля гитары. Однако человечество, благодаря войне и революции, избавилось от феодализма, который, как смертельная язва, душил многострадальный русский народ, и теперь он на гитарах и балалайках вместо мелодий горечи и отщепенства может играть песни любви и свободы»². Указанная выдержка из сочинения, считающегося в мире современной классической гитары наиболее полным и авторитетным, лишней раз показывает, насколько искаженным может быть представление о жизни в нашей стране у тех, кто пишет о ней за ее пределами.

После революции 1917 г. А. М. Афромеев уехал в Томск, оставив не только все свое домашнее имущество, но и уникальную коллекцию редчайших рукописей маститых русских гитаристов и около 200 дорогостоящих гитар. Испытывая невероятную нужду, он поступил в Томске на работу в качестве бухгалтера в одну из коммун и одновременно давал частные уроки игры на гитаре. В томский период жизни им было сделано около 30 аранжировок классических произведений для гитары. В дальнейшем он был направлен по распоряжению руководителей коммуны на лесозаготовки, где простудился и вскоре умер от воспаления брюшины. О его тяжелом материальном положении можно судить по тому факту, что после смерти у родных и знакомых не оказалось денег для покупки гроба.

Сын А. М. Афромеева Алексей (1888–1929) явился продолжателем дела своего отца. Работая в екатеринбургской типографии, он организовал гитаристов в составе: А. Афромеев, В. Одинцов, В. Нестеровский, Анфиногенов, Д. Кочнев. Последний позднее стал одним из первых штатных педагогов музыкального училища им. Чайковского в Свердловске, воспитав плеяду профессиональных гитаристов и тем самым положив начало перевода школы классической гитары из самостоятельного в профессиональное русло.

Сведения Д. Прата о том, что тюменский музыкант много выступал у себя на родине и был известным ис-

¹ Классическая гитара в России и СССР. Тюмень: Екатеринбург, 1992. С. 141–145, 1870–1880.

² Prat D. Diccionari de Guitarras, guitarristas, guitarreros. Buenos Aires, 1934. P. 13.

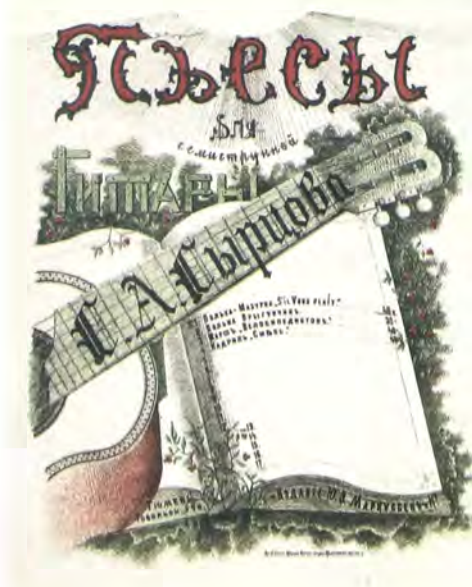
полнителем, не подтверждаются имеющимися в России материалами, в частности архивными документами историка гитары В. П. Машкевича (1888–1971), находящимися в настоящее время в Государственном музее музыкальной культуры им. Глинки (Ф. 359). Неточны и данные о журнале «Гитарист»: этот печатный орган был основан в 1904 г. не Афромеевым в Тюмени, а В. А. Русановым в Москве и лишь в 1906 г. стал выходить в Тюмени (за время существования дважды сменив свое название). Информация об А. М. Афромееве, помещенная в фундаментальном словаре гитаристов, составленном австрийским музыкантом Е. Зутом (1897–1932), фактически является простой выдержкой из статьи В. А. Русанова об Афромееве, помещенной в работе С. С. Заяицкого. Практически копией с вышеуказанной печатной версии является и статья об Афромееве польского профессора-гитариста Ю. Повзожняка в современном немецком «Лексиконе гитары»³.

Наибольшую известность А. М. Афромеев получил в качестве педагога и издателя «Заочных уроков теории музыки и игры на семиструнной гитаре», к 1917 г. выдержавших 22 издания и состоящих из последовательно присылаемых подписчикам 100 теоретических и практических уроков в 30 выпусках. В музее гитары им. А. М. Афромеева при Тюменском училище искусств имеется экземпляр вышеупомянутых уроков с подписным номером 14983. Кстати, В. И. Ленин, находясь в ссылке в Шушенском, обучался игре на гитаре именно по самоучителю тюменского музыканта.

Несмотря на широко известные высказывания гитаристов — участников фестивалей гитарной музыки — о том, что Школа Афромеева — это вчерашний день классической гитары, нужно признать, что в свое время широкое распространение «Заочных уроков» способствовало привлечению тысяч истинных любителей классической и народной музыки к занятиям на гитаре, в то время как большинство педагогов в столице и других крупных городах России подобного рода деятельностью просто не занима-

лись. Заслугами Афромеева в деле распространения искусства игры на гитаре историк гитары (и близкий друг основателя московской школы гитары В. А. Русанова) В. П. Машкевич, наряду с изданием «Заочных уроков», считал выпуск в свет 1-й части «Школы» Русанова, издание журналов «Музыка гитариста», «Гитарист», «Аккорд», а также приобретение 2-й части «Школы» Русанова. Заслуживает особого внимания характеристика Афромеева, данная Машкевичем: «Без преувеличения можно утверждать, что этот некультурный деятель гитары сделал для развития ее значительно больше, чем Музгиз за все время его существования». (Имеется в виду специализированное издательство, во главе которого стояли люди с высшим музыкальным образованием). «Заочные уроки» Аф-

³ Zuth J. Handbuch der Laute und Gitarre. Wein-Wollzeile. P. 10; Заяицкий С. С. Интернациональный союз гитаристов. М., 1902. С. 80–81; Powozniak J. Gitarren-Lexikon. Berlin, 1986. S. 15.

ромеева В. П. Машкевич не считал идеальными, но признавал, что они являлись своего рода ситом, через которое проходили все, однако одни отсеивались, а другие находили правильный путь. Он был убежден, что годы спустя гитаристы скажут тюменскому музыканту спасибо и внесут его имя в список активных пропагандистов гитары второй половины XIX – начала XX вв.⁴ В высказываниях В. П. Машкевича, близко знавшего А. М. Афромеева, прослеживается противоречивое отношение к личности издателя и музыканта. Он называл журнал «Аккорд» Афромеева «убогим», хотя активно сотрудничал в этом печатном органе. Эмоционально-негативное отношение к Афромееву с высоты культуры Москвы сочеталось с объективной высокой оценкой его заслуг.

О масштабах издательской деятельности тюменского музыканта можно судить по сопоставлению следующих цифр: согласно «Каталогу нот для семиструнной гитары» (Тюмень, 1911–1912), было опубликовано 1010 пьес для гитары соло, гитары в ансамблях, этюдов и т. д., всего же по состоянию на 1948 г. известно 4000 наименований произведений для семиструнной гитары. В каталог, естественно, не вошли опусы после 1912 года. В музее Афромеева имеется более 200 наименований изданий без обозначений времени выпуска, но, предположительно, изданных после 1912 года.

Представляет интерес тематика музыкальных произведений, которые увидели свет в издательстве А. М. Афромеева. Здесь отсутствует какая-либо идеологическая ориентация. Наряду с гимном «Многие лета, Православный русский царь», мы видим рабочие песни, ставшие впоследствии официальными партийными гимнами — «Замучен тяжелой неволей», «Варшавянка» и т. д. Церковные песнопения Бортнянского (в аранжировке С. Сырцова) чередуются с адаптациями отрывков из популярных опер. Имеющиеся материалы не содержат сведений о религиозных пристрастиях издателя. Не упоминает об этом и М. А. Полозкова, старейшая жительница Тюмени (род. в 1900 г.), близко знавшая Афромеева и работавшая в литографии в качестве наборщицы. В беседе с автором этих строк Мария Александровна указывала на то, что А. М. Афромеев обладал необыкновенной энергией: он ни минуты не сидел без дела. Если не было работы творческой и административной, он часто выполнял операции по набору текста, корректуру и т. д. Относясь очень внимательно к нуждам подчиненных ему работников, платил им больше, чем, скажем, получали за аналогичную работу служащие типографии А. Крылова в Тюмени. На свадьбу М. А. Полозковой Алексей Максимович подарил дорогой набор музыкальных инструментов. Он был весьма приветлив и обходителен в общении с людьми, не пил, не курил, в короткие часы отдыха любил играть на гитаре в помещении типографии.

Анализ различных материалов о жизни Афромеева позволяет сделать вывод о том, что в его лице мы видим типичного представителя тюменской интеллигенции второй половины XIX –

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

37. бояр. кн. **Голицын Алексей Андреевич** (1682–1684), **Голицын Алексей Андреевич** (1632–1694), князь, боярин, тобольский воевода (1664–67; 1681/82–83). Ок. 1651 — «близкий человек», в 1652 — чашиник, в 1658 — стольник, в 1658 — боярин. Воевода в Тобольске в 1664–1667 и в 1681–83 и в Киеве в 1676. Будучи тобольским воеводой, пытался подавить крестьянские волнения (1666–67). Инициаторов неповиновения вызвал в Тобольск и наказал кнутом. Имел титул Наместника Болгарского. Родоначальник третьей ветви Голицыных, самой многочисл. Лит.: Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири XVI–XVII в. М., 1927. С. 276; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и об-во. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 49, 114; *Дворянские роды Рос. империи*. СПб., 1995. Т. 2. Князья. С. 36.
К. А. Анкушева

⁴ Классическая гитара в России и СССР. С. 149.

Александр Максимович
АФРОМЕЕВЪ.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

38. бояр. кн. **Прозоровский Петр Семенович** (1684–1686), **Прозоровский Петр Семенович** (ок. 1635–?), боярин, князь, тобольский воевода (1684–86). Из древнего княжеского рода удельных князей моложских, Рюрикович. В 1670 — воевода на Терках. Избежал участи братьев, погибших в период восстания под руководством Степана Разина в Астрахани, несмотря на то, что на Терек дважды явл. казаки с намерением его повесить. В 1684–86 был воеводой в Тобольске. В наказе **П.** предусматривалось обращаться в христианство иноверцев без всякого принуждения по свободному их желанию. При **П.** были организованы соляные караваны. Во время его воеводства летом 1685 было запрещено пропускать из Сибири людей в Россию без тобольских подорожных, а потому в разных местах были устроены заставы. При нем в 1685 заложена в Знаменском монас-

начала XX веков. Это светский, достаточно образованный, малорелигиозный человек, страстно влюбленный в свое дело, чрезвычайно энергичный и предприимчивый, умеющий грамотно вести финансовые дела. А. М. Афромеев не любил столичной жизни, не стремился жить в Москве, а наоборот, приглашал на постоянное жительство в Тюмень своего коллегу В. А. Русанова (относившегося к Афромееву критически, временами насмешливо и, уж конечно, не приглашавшего тюменца к себе в Москву). О человеческих качествах тюменского музыканта и издателя говорит следующий факт, сообщенный жителями дома № 9 по ул. Садовая (последние годы перед революцией Афромеев жил по соседству — на ул. Димитрова, в доме № 8): он воспитывал в своей семье девочку-сиротку.

Любопытную информацию, указывающую на сложность характера Афромеева, сообщила Л. П. Рощевская, профессор истории Сыктывкарского государственного университета. Коренной житель Тюмени, Лариса Павловна долгое время занималась сбором краеведческих материалов, встречалась с очевидцами событий начала XX в. в Тюмени. Оказывается, в типографии Афромеева (штат составлял около 30 человек) обязательным было прохождение нотной грамоты, а дети Афромеева — Алексей и Александра — вместе с отцом музицировали на гитарах. По сведениям Л. П. Рощевской, рано потерявший жену Серафиму Михайловну (владелицу нотного магазина в 1890-х гг.) А. М. Афромеев состоял во втором браке и находился в «романических» отношениях с Людмилой Константиновной Высоцкой — владелицей типографии, в которой в 1906–1907 гг. печатался гитарный журнал. Л. К. Высоцкая, дочь ссыльного поляка, открывшего в Тюмени первую типографию, считалась представительницей культурной элиты города и, кстати сказать, была родной теткой известного советского поэта Василия Князева (1888–1938).

Представляет интерес изучение печатных материалов, увидевших свет в издательстве А. М. Афромеева, среди которых — «Сибирский торговый посредник» (1912–1914 гг.). В дальнейшем этот орган был переименован в «Ермак» и выходил в свет до 29 апреля 1917 года. Прощаясь со своими подписчиками, А. М. Афромеев опубликовал статью, могущую служить своего рода показателем его политической ориентации: «Великая Российская революция, с удивительной легкостью свалившая в три дня гнилую монархию и поразившая весь мир грандиозностью свершившегося государственного переворота, в корне изменила условия народной жизни. Русский гражданин, сбросивший с себя вековые цепи царизма, громко заговорил о своих нуждах, проявив непреклонную волю, ломая старые устои в переустройстве своего быта, на основах полной свободы, равенства, братства. Образовавшееся Временное Правительство, в состав которого вошли лучшие из лучших и популярнейших общественных деятелей, приняло на себя обязанности полной по-

беды над внешним врагом... Добытая свобода обращается в своеволие, вместо единения являются разногласия и рознь... Забыта кровь миллионов братьев-воинов, павших за честь и достоинство России (сын Афромеева Алексей находился в это время на фронте. — М. Я.)... Ленинцы, друзья немцев, вылезавшие ныне из различных щелей, безответственные ораторы и для которых благо Родины — звук пустой, не дремлют, они действуют и толкают Россию в пропасть»⁵.

Известно, что А. М. Афромеев поддерживал дружеские отношения с П. А. Рогозинским (1850–1922), сосланным в Тюмень (где он долгое время и работал в качестве журналиста) за публичное оскорбление императора и избежавшим худшего наказания лишь по ходатайству самого адмирала Макарова⁶. Но особенно антирелигиозный (и, как следствие, антимонархический) уклон в мировоззрении А. М. Афромеева прослеживается в многочисленных публикациях издаваемой им газеты «Ермак», где под различными псевдонимами помещены статьи по общественно-социальным вопросам текущей жизни. Подобные тенденции можно считать если не господствующими в среде светской интеллигенции сибирских городов, то, во всяком случае, отражающими взгляды значительной ее части. Известно, что в предреволюционное время процесс секуляризации жизни особенно усилился в среде русской интеллигенции. Не явилась исключением и Тобольская губерния. По свидетельству старейших жителей Тюмени С. М. и Е. М. Ивановых, их отец М. И. Иванов, работавший учителем в Ялуторовске в до- и послереволюционный период, сообщал, что больше половины учителей в церковь практически не ходят.

Большая часть материалов газеты «Ермак» имеет явно выраженный обличительный характер. Даже в тех редких случаях, когда сама тематика статьи требует положительной окраски, издатель примешивает частицу критики. Так, например, в заметке о смерти ялуторовского коммерсанта и благотворителя А. В. Колмакова издатель дает следующую оценку событию: «В Тюмени на свои средства он увеличил богадельню, затратив на это свыше 5 тыс. руб., в Ялуторовске на его средства выстроена больница на 17 кроватей. Жертвовал он и на сиропитательное заведение. Конечно, все жертвы в сравнении с состоянием — ничтожные крупницы, но и за это можно сказать ему спасибо». Poleмика Афромеева с почетным жителем Тюмени и бывшим городским головой А. И. Текутьевым заняла несколько номеров. Статьи («Поездка самодура в столицу», «Отголоски тюменской недели» и др.) носили остро сатирический характер и практически обходили стороной заслуги Текутьева в развитии города, как известно,

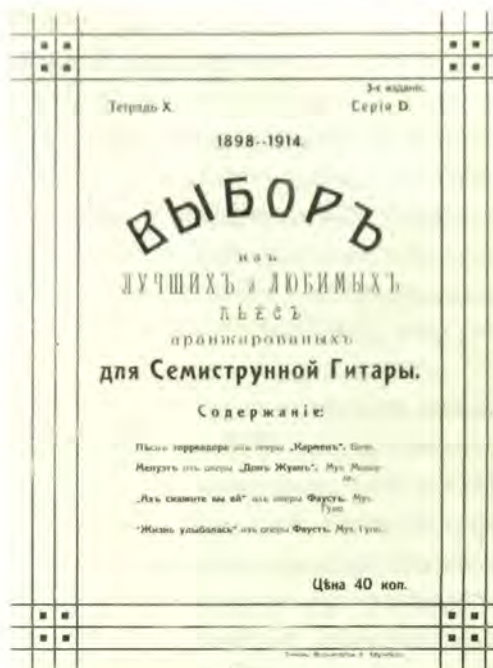

⁵ Ермак. 1917. № 169. 29 апреля. С. 1.

⁶ Рогозинский П. Крестный сын адмирала Макарова // Рабочий Кронштадта. Л., 1982. № 14.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

☞
 тыре камен. церк.
 Преображения Гос-
 подня, к-рую строил
 архимандрит Мат-
 феи; закончена в
 1691. 19 янв. 1686
 был отпущен в Моск-
 ву. В 1688-90 — во-
 евода в Новгороде.
 Лит.: Краткое пока-
 зание о бывших как
 в Тобольске, так и
 во всех сиб. городах
 и острогах с начала
 взятия Сиб. гос-ва,
 воеводах и губерна-
 торах, и пр. чинах; и
 кто они именно, и в
 каких городах были;
 и кто какой город
 строил, и когда. То-
 больск, 1791. С. 15;
 Вершинин Е. В. Вое-
 водское упр. в Сибир-
 и (XVII в). Екате-
 ринбург, 1998. С. 174;
 Коньков Н. Л. То-
 больские воеводы
 к. XVI — нач. XVII в.
 М., 2001. С. 94–95.
К. А. Анкушева

построившего на свои сред-
 ства больницу по ул. Доудель-
 ной, уездное училище, театр
 и др. В статье «К вопросу о
 земстве в Сибири» А. М. Аф-
 ромеев спорил с самим
 П. А. Столыпиным (к тому
 времени уже покойным)⁷.

Статьи о пагубном воз-
 действии алкоголя на нрав-
 ственное и физическое здо-
 ровье людей («Борьба с «зе-
 леным змеем» и др.) проник-
 нуты чувством озабоченности
 и тревоги. Не отрицая роли
 церкви в деле борьбы с пьян-
 ством, А. М. Афромеев счита-
 ет, что усилий одних толь-

ко священнослужителей явно недостаточно; требуется воле-
 вое решение правительства о полном запрещении продажи
 алкоголя: «Всемирная культура выдвигает вопрос о полном уп-
 разднении алкоголя среди разумных существ... Вопросы о
 пользе алкоголя быть не может, можно говорить только о его
 вреде и стойкости организма, потребляющего алкоголь... На
 основании точных и последних данных науки ... выпитая круж-
 ка пива вредна не только самому потребителю, но и его по-
 томству». Большие надежды в деле нравственного воспита-
 ния населения Афромеев возлагал на распространение лите-
 ратуры, развивающей читателя умственно и духовно, напри-
 мер произведений Белинского и Гоголя⁸.

В статье «Великое значение честности»⁹ издатель обнаружи-
 вает себя сторонником западного образа жизни: «Политическая
 экономия, до сего времени являясь наукой о богатстве, факто-
 рами производства считала природу, труд и капитал. И только
 ныне на мировую арену труда и торговли выдвигается духовная,
 нравственная сторона как торговца, так и производителя... За
 границей честность неуклонно проводится как во все виды тор-
 говли, так и в производство, ибо в общественном сознании глу-
 боко укоренилось убеждение в том, что честным быть выгодно».
 Затем Афромеев приводит благоприятные примеры из жизни
 Германии, Швейцарии, Японии, после чего с грустью констати-
 рует, что в России уважение к чужому имуществу пока только в
 зародыше. Рабочие в огромном большинстве отличаются пьян-
 ством, ленью, небрежностью. По его мнению, при неуклон-
 ном взаимодействии семьи, школы и общественности честность
 можно внедрить как в частные отношения, так и в политическую
 и экономическую жизнь.

А. М. Афромеев не входил в какую-либо влиятельную об-
 щественно-политическую партию, не искал контакта с духовен-

⁷Ермак. 1912. № 4,
 6, 12, 22, 29, 34.

⁸Там же. № 17,
 20–22.

⁹Там же. № 34.
 С. 1–3.

ством, не имел продолжительной дружбы с влиятельными людьми Тюмени. Финансовая самостоятельность позволяла иметь и отстаивать собственное мнение человеку нерелигиозному, но достаточно честному и порядочному. Конечно, отдаленность Тюмени от центров российской культурной и политической жизни наложила на деятельность Афромеева глубокую печать провинциальности. При этом отсутствие многих «отвлекающих» факторов, общий деловой пульс промышленной Тюмени позволили издателю и музыканту стать одним из самых известных общественных деятелей Тобольской губернии.

Плодотворная творческая деятельность А. М. Афромеева заслуживает тем большего интереса, что обстановка в области культурной и интеллектуальной жизни Тюмени того времени мало стимулировала подобные движения. Об этом свидетельствуют многие печатные материалы. Так, в «Спутнике пассажира, календаре и справочной книге по г. Тюмени «Вся Тюмень»» (Тюмень, 1910) в разделе «Спрос интеллигентного труда» сообщается следующее: «Стремящиеся в Тюмень для предложения интеллигентного труда едва ли могут рассчитывать на успех. Места в конторах, присутственных местах обыкновенно всегда заняты и на каждую ... вакансию имеется по несколько кандидатов, так что для получения какого-либо места нужно ходить и ходить и почти без всякого результата». При этом не получила распространения система частных уроков, переводов с иностранных языков и др. форм интеллектуального труда, составляющих необходимую принадлежность жизни крупных городов. По свидетельству того же источника, в Тюмени отсутствовали посредники и конторы, облегчающие поиск мест для занятий интеллектуальным трудом.

Авторы указанного справочника зафиксировали деталь, по которой можно судить о религиозном «векторе» жителей Тюмени в начале XX в.: в саду клуба приказчиков на ул. Царской (ныне — угол улиц Республики и Челюскинцев) с 7 часов вечера в среду, пятницу и воскресенье проходили гуляния и играл оркестр из 18 человек под управлением некоего Бейна. Как известно, в постные дни православная церковь не только запрещает употребление скоромной пищи, но и призывает воздерживаться от всевозможных увеселений. Еще одним наглядным подтверждением достаточно рутинной атмосферы, царившей в Тюмени во времена деятельности А. М. Афромеева, может служить мнение Н. М. Чукмалдина о том, что культурные запросы тюменцев второй половины XIX в. были невысоки: состоятельные люди предавались кутежам и азартным играм. В городе господствовали купеческие нравы, интеллигентных людей было мало, на просвещение и чтение книг в обществе смотрели как на вредное баловство¹⁰.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

39. бояр. Головин
Алексей Петрович,
(1686–1690)

40. бояр. **Салтыков Степан Иванович** (1690–1692), **Салтыков Степан Иванович** (? – ок. 1707), боярин (1689), тобольский воевода (1690–92). Из старого московского боярского рода. В 1670-е служил при государевом дворе. В 1675–79 — судья Московского Судного приказа. В 1679–80 — воевода в Великом Устюге в чине стольника. В 1680-х был сторонником правительницы Софьи Алексеевны. В марте 1689 пожалован в бояре. С февр. 1690 по дек. 1692 занимал должность тобольского воеводы. Снаряжал рус. посольство в Китай Идеса Избрандта, предоставил послу суда, кормщиков и гребцов, а также «толмача мунгольскому языку Спиридона». После возвращения в Москву находился при государевом дворе, выполнял ответственные поручения Петра I. В 1694 участвовал в организованных царем военных маневрах под д. Кожуховой как воевода пушечного наряда и

¹⁰ Чукмалдин Н. Мои воспоминания. Тюмень, 1998. С. 109.